

КЛАСС И РОД В КОНТЕКСТЕ ФОКАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ЯЗЫКА: ЕЩЕ РАЗ О НЕДИСКРЕТНОСТИ СЛОВОИЗМЕНЕНИЯ И СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

А.Ю. Желтов

СПбГУ, МАЭ РАН
ajueltov@mail.ru

Е.В. Желтова

СПбГУ
elena.zheltova@mail.ru

В докладе на конференции Европейского лингвистического общества — SLE (Kibrik 2012) и в статье Kibrik 2015 А.А. Кибрик обращает внимание на многочисленность недискретных явлений на разных уровнях языка и предлагает «фокальную структуру» описания языка, которая позволяет учитывать как дискретные («digital»), так и недискретные («analog») языковые явления. Фокальная структура состоит из «фокусных» (или «якорных») точек (вершин), которые являются прототипическими для того или иного явления или категории, так называемых «аутлаеров» (элементов категории, по некоторым признакам отличающихся от прототипа — «периферии» категории) и «гибридных» точек, которые являются наиболее далекими от прототипа «аутлаерами», более или менее равноудаленными одновременно от двух разных «фокусных» (прототипических) точек-вершин и находящихся в «зоне влияния» их обеих. Задачей данного текста является рассмотрение с этих позиций весьма сложного взаимодействия некоторых элементов именного формо- и словообразования в языках с грамматическим родом (индоевропейские — русский и латинский) и в языках с именными классами (суахили — языки банту)¹.

---

¹ Очевидно, что этот краткий текст не может претендовать и не претендует на сколь-нибудь полное или развернутое описание именной морфологии в указанных языках. Для русского языка таким описанием является анализ, представленный в Зализняк 1967, для латыни и суахили подобный комплексный анализ, вероятно, еще предстоит провести. Для целей этой статьи мы лишь выборочно анализируем ряд явлений в «прототипической» и «пограничной» зонах словоизменения и словообразования. Авторы выражают искреннюю благодарность А.А. Кибрику, юбилею которого посвящен этот сборник, как за плодотворные идеи, позволяющие учитывать недискретные языковые явления, не теряя системности анализа, так и за многолетнее знакомство, сотрудничество и всегда приятное общение.

1. В русском языке с его традиционным разделением морфем на суффиксы (словообразование) и флексии (словоизменение) можно достаточно легко определить «фокусные точки». Например, суффикс *-тель* в *строи-тель* и *писа-тель* отчетливо относится к словообразованию, а окончание *-и* в *строител-и* и *писател-и* — к словоизменению; *-и* контролирует согласование в именной группе и глаголе, кумулятивно выражая число и падеж, и не используется для образования новых лексем (на нем слишком большая и разнородная грамматическая нагрузка), а *-тель* не может контролировать согласование и выражает отчетливую и однозначную семантику образования отглагольных агентивов. В то же время, в русском языке существует ряд словообразовательных суффиксов, демонстрирующих некоторые отклонения от классической деривации: например, суффиксы *-енок* и *-ат-* в *волч-енок* и *волч-ат-а* помимо отчетливой деривативной семантики «детеныши животных» (+ «дети» — *реб-енок/реб-ят-а, октябр-енок/октябр-ят-а*; + «грибы» — *оп-енок/оп-ят-а, масл-енок/масл-ят-а*) кумулятивно с деривацией обладают семантикой числа, таким образом «делая шаг в сторону» от «классической» деривации — кумулятивность гораздо больше свойственна словоизменительным флексиям. Однако русский язык демонстрирует и другой вариант «неклассического» использования деривации — в нем можно наблюдать своего рода согласование уменьшительного или увеличительного суффикса (обычно при определенном экспрессивном характере высказывания, часто свойственном так называемому «детскому» языку) с зависимым от него прилагательным. Предпочтительней выглядят «согласованные» фразы типа *бел-еньк-ий зайч-ишк-а* или *зл-ющ-ий волч-ищ-е*, чем «несогласованные» типа *белый зайчишка* или *злющий волк*. Причем в «детском» языке подобное согласование может распространяться даже на глагол: *Саш-еньк-а мал-еньк-ий спат-еньк-и пошел*². Что касается русских флексий, то и в них можно наблюдать отклонение в сторону «деривации». Хотя русские флексии со значением грамматического рода обладают очень низким словообразовательным потенциалом (даже у одушевленных существительных для образования имен женского пола от мужского обычно требуется дополнительная деривативная суффиксация — *студент/студент-к-а*, причем именно так выглядит продуктивный процесс образования новых феминитивов — *автор/автор-к-а*), все же можно найти примеры использования флексий для словообразования (*Александр/Александр-а, супруг/супруг-а*). В этих примерах к стандартным словоизменительным характеристикам (контроль согласования, кумулятивность рода с падежом) добавляется словообразовательное значение женского пола.

² Ср. также глагольную диминутивную форму *куш-еньк-ать*.

2. В латыни к «фокусным точкам» можно отнести деривативный суффикс *-or-*, который образует отглагольные агентивы, и словоизменительную флексию *-es* — показатель множественного числа: *vict-or* ‘победи-тель’ — *vict-or-es* ‘победи-тел-и’; *act-or* ‘дея-тель’ — *act-or-es* ‘дея-тел-и’. При этом отклонение от деривации в сторону большей кумулятивности (типа *опенок* — *опята*) практически не встречается: пару *vi-s* (Sg.) ‘сила’ — *vi-re-s* (Pl.) ‘силы’, скорее следует рассматривать как задействованный для выражения числа супплетивизм основы. К этому же явлению можно отнести и значительно чаще встречающийся супплетивизм основ при оппозиции «номинатив — все остальные падежи»: *iter* (Nom.) — *itiner-is* (Gen.) ‘путь’; *iecur* (Nom.) — *ieci-nor-is* (Gen.) ‘печень’; *supellex* (Nom.) — *supellectil-is* (Gen.) ‘утварь’. Формально выделенные элементы похожи на суффиксы, но они не обладают никаким деривативным потенциалом и, следовательно, их следует определять все же как часть супплетивных основ. При этом деривативное согласование типа «*Сашенька маленький спатеньки пошел*» встречается и в латыни, но не в «детском» языке, как в русском, а в языке римской комедии, пародирующем эротический дискурс гетер и их возлюбленных: *papill-arum horrid-ul-arum oppresi-unc-ul-ae* (Plaut. *Pseud.* 68) ‘упругеньких грудок обжимашки’ (*papilla* ‘грудь, сосок’, *horridula* ‘упругенькая’ — demin. к *horrida* ‘упругая, тугая’, *oppresiuncula* ‘обжимашка’ — demin. к *oppressio* ‘сжатие, надавливание’).³ При этом родовые флексии *-us* и *-a* участвуют в словообразовании (типа «супруг — супруг-а») более продуктивно, чем русские флексии, ср.: *lup-us* ‘волк’ — *lup-a* ‘волчица’; *milv-us* ‘коршун’ — *milv-a* ‘самка коршуна’; *equ-us* ‘конь’ — *equ-a* ‘лошадь’; *amic-us* ‘друг’ — *amic-a* ‘подруга’; *domin-us* ‘господин’ — *domin-a* ‘госпожа’ и т. д. Таким образом, отклонение родовых флексий единственного числа от классической флективности представляет собой достаточно продуктивный «аутлайер» словоизменения.

3. Бантуские именные классы, в отличие от индоевропейского рода, выражаются префиксами, а не флекциями, и не имеют противопоставления «мужской — женский» в их семантике, но часто сопоставляются именно с индоевропейским родом, прежде всего, на основе общего для именного рода и класса контроля согласования с элементами именной группы и глаголом (в индоевропейских языках — субъектного, в языках банту — полиперсонального): суахили *ki-tabu ki-le ki-zuri ki-likuwa mezani* ‘книг-а т-а красив-ая был-а (находилась) на столе’. При том, что морфосинтаксическое сходство именного класса с индоевропейскими флекциями очевидно, в системе русских деривативных суффиксов можно найти типологические параллели именным

³ Впрочем любовно-эротический дискурс вполне связан с детским, латинские примеры которого до нас, возможно, просто не дошли.

классам в области семантики. Ниже приводится определение русского именного словообразования из академического издания грамматики русского языка, во всех пунктах которого опущено слово «суффиксальный». В подобном определении любой бантуист легко увидит краткое описание системы именных классов: «В системе ... образования имен существительных могут быть выделены пять основных рядов явлений:

- 1) способы ... образования названий лиц (мужчин и женщин);
- 2) способы ... образования названий животных;
- 3) способы ... образования названий предметов (включая сюда названия орудий действия и названия места);
- 4) способы ... образования слов с отвлеченным значением;
- 5) способы ... образования слов со значением уменьшительности, ласкательности, увеличительности и т. п.» (Виноградов и др. 1953: 211).

Сравнение конкретного материала подтверждает наличие принципиальных параллелей между системами префиксов суахилийских именных классов и русских словообразовательных суффиксов. Рассмотрим семантические группы, входящие в суахилийский класс 5 (*ji/Ø*) и, с другой стороны, семантику, маркированную русским суффиксом *-ин-*.

Таблица 1

		суахили	русский
выдели- тельность	один из пары	<i>ji-cho/ma-cho</i> ‘глаз/глаза’	<i>штан-ин-а/штаны</i>
	один из множества	<i>ji-no/meno</i> ‘зуб/зубы’	<i>бус-ин-а/бусы</i>
увеличительность		<i>ji-tu/m-tu</i> ‘великан/человек’	<i>дом-ин-а/ дом</i>
плоды, круглые предметы		<i>Ø⁴-boga/m-boga</i>	<i>тыкв-ин-а/тыква</i>
		<i>Ø- nyanya/m-nyanya</i>	<i>помидор-ин-а/ помидор (растение)</i>

Префиксы именных классов в суахили, контролируя согласование и кумулятивно выражая значение класса и значение числа (очевидно классические словоизменительные признаки), обладают полноценным словообразовательным потенциалом: ср. *m-tu/wa-tu* ‘человек/люди’ — *ki-tu/vi-tu* ‘вещь/вещи’ — *ji-tu* ‘великан’ — *u-tu* ‘человечность’; *m-ti/mi-ti* ‘дерево/деревья’ — *ki-ti/vi-ti* ‘стул/стулья’ — *u-ti/ny-uti* ‘ствол/стволы’, *m-chungwa/mi-chungwa* ‘апельсиновое дерево / апельсиновые деревья’ — *Ø-chungwa/ma-chungwa*

⁴ Здесь представлен нулевой алломорф данного класса, согласование у всех имен будет общим: *ji-no j-eta* ‘зуб хороший’; *Ø-nyanya j-eta* ‘помидор хороший’.

‘апельсин/апельсины’ и т. д. При образовании отглагольных агентивов употребление префикса класса обязательно: *m-sema* ‘говорящий’ от *-sema* ‘говорить’. Таким образом, префиксы именных классов в суахили сочетают практически полноценные признаки словоизменительной категории (кумулятивность класса и числа, контроль согласования) и словообразовательной, то есть именно они представляют собой пример «гибридной» (по Kibrik 2012, 2015) категории — равноудаленной («равноприближенной») как к фокусной точке словоизменения, так и словообразования.

У подобной «гибридной» категории есть свой префикс «аутлаер» в сторону «классической» деривации. При этом «более словоизменительных» префиксов не наблюдается. В языке суахили для выражения диминутивности часто используется не просто показатель именного класса с диминутивным значением — *ki-*, а более сложная конструкция: диминутив *ki-* (7 класс) + *-ji-* (5 класс): *ki-ji-tu* ‘карлик’ от *m-tu* ‘человек’ (при этом *-ji* утрачивает контроль согласования, уступая его «более левому» префиксу, и кумулятивность с числом — ср. *vi-ji-tu* ‘карлики’, превращаясь в классическую деривативную морфему)⁵. Такая модель образования диминутива появляется в тех случаях, когда собственно префикс *ki-*, соединяясь с данной основой, служит для выражения значения предметности — *ki-tu* ‘вещь’ (предметность и диминутивность синкретичны для этого класса). Аналогично и в русском языке, когда значение диминутивного суффикса *-к-* частично «занято» значением предметности (*рука/руч-к-а* — дверная или для письма), могут использоваться более сложные формы диминутива — через выделительность (*руч-он-к-а*, *руч-иш-к-а* (от *руч-иш-а?*)). Примеры подобной модели образования диминутива не единичны как в суахили, так и в русском, ср.:

(1) суахили

- а. *m-tu* ‘человек’ — *ji-tu* ‘великан’ — *ki-ji-tu* ‘карлик’ / *ki-tu* ‘вещь’
 б. *mw-iko* ‘половник’ — *ji-ko* ‘очаг’, ‘кухня’ — *ki-ji-ko* ‘ложка’ / *ki-ko* ‘трубка для курения’;

(2) русский

- а. *рука* — *руч-иш-а* — *руч-иш-к-а* / *руч-к-а*
 б. *зуба* — *зуб-иш-а* — *зуб-иш-к-а* / *зуб-к-а*

Для парадигм грамматических показателей, к которым относится и система именных классов, невозможно сочетание двух ее элементов в составе одной словоформы (как это происходит в *ki-ji-tu*). Таким образом, в подобных

⁵ Следует отметить, что в отличие от индоевропейского разделения флексий и суффиксов, для данной морфемы не существует общепринятого названия — по сути префиксом класса она быть перестает.

формах мы наблюдаем процесс «дериватизации» грамматического (словоизменительного?) показателя⁶.

Сравнительный анализ недискретной («фокальной») структуриации словоизменения и словообразования в русском, латыни и суахили можно представить в виде сводной таблицы:

Таблица 2

Фокусный центр (сл.обр.)	«Аутлайеры» (сл.обр.)	Гибридный центр	«Аутлайеры» (сл.изм.)	Фокусный центр (сл.изм.)
русский				
<i>строи- тель</i>	кумулятивность: <i>волч-онок/волч-ат-а</i> согласование: <i>Саш- еньк-а мал-еньк-ий</i> <i>спат-еньк-и пошел</i>		<i>Александр-а,</i> <i>супруг-а</i>	<i>Строител-и</i>
латынь				
<i>vict-or</i> ‘побе- дитель’	согласование: <i>papill-arum horrid- ul-arum oppresi-unc- ul-ae</i> ‘упругеньких грудок обжимашки’		<i>lup-us</i> ‘волк’ — <i>lup-a</i> ‘волчица’	<i>vict-or-es</i> ‘победи-тел-и’
суахили				
<i>ki-ji-tu</i> ‘карлик’		контроль согласования: <i>ki-tabu ki-le ki-zuri</i> <i>ki-likuwa mezani</i> ‘книг-а т-а красив- ая был-а на столе’ деривация: <i>m-tu/wa-tu</i> ‘человек/люди’ — <i>ki-tu/vi-tu</i> ‘вещь/вещи’ — <i>ji-tu</i> ‘великан’ — <i>u-tu</i> ‘человечность’		

⁶ О подобных процессах на материале языка фула см. Коваль 1987. См. также Поздняков 2006 о соотношении словообразования и словоизменения в системе именных классов атлантических языков.

Таким образом, мы получаем значительно более точную матрицу взаимодействия словообразования и словоизменения в анализируемых языках, чем при традиционном «дискретном» анализе: в русском и латыни аутлаеры не доходят до стадии «гибридности», а в суахили именно «гибридный центр» по сути и представляет собой фокусный центр, от которого «отходит» «аутлаер» (в сторону деривативности).

В завершение следует заметить, что структуризация в рамках «фокального» подхода словоизменительных и словообразовательных морфем позволяет по-новому взглянуть на ряд проблем, связанных с родом и именными классами. Закончить статью представляется уместным цитатой из книги А.А. Зализняка (1967: 8): «...универсальная система фонологических различительных признаков Р. Якобсона преодолела «барьер», разделявший гласные и согласные». В этой связи можно предположить, что и построение «фокальной» системы именных морфологических признаков поможет преодолеть еще один «барьер» — между словообразованием и формообразованием.

Литература

- Виноградов В. В., Истрина Е. С., Бархударов С. Г. (ред.) 1953. *Грамматика русского языка. Т. 1. Фонетика и морфология*. М.: Издательство РАН СССР.
- Зализняк А. А. 1967. *Русское именное словоизменение*. М.: Наука.
- Коваль А. И. 1987. О некоторых особенностях поведения показателя класса в языке с громоздкой классной системой. В кн.: Н. В. Охотина (отв. ред.). *Именные классы в языках Африки*. М.: Наука, 204–215.
- Поздняков К. И. 2006. К типологии именных классификаций. В кн.: *Исследования по языкам Африки. 2005. Сборник статей, посвященный 40-летию отдела африканских языков*. М.: Институт языкознания РАН, 203–233.
- Kibrik A. 2012. The challenge of non-discreteness: focal structure in language. Plenary talk presented at the 45th Annual Meeting of the Societas Linguistica Europaea. Stockholm University, 29 August — 1 September 2012. <https://iling-ran.ru/web/ru/scholars/kibrik/talks> (дата обращения 31.03.2023)
- Kibrik A. 2015. The problem of non-discreteness and spoken discourse structure. *Computational linguistics and intellectual technologies*, 14 (21), v. 1, 225–233.
- Plautus T. Maccius. 1895. *Plauti Comoediae*. Ed. F. Leo. Berlin: Weidmann.